

Дети блокадного Ленинграда

Исследовательская работа

Выполнил: учащийся 11 «А» класса
МОУ «СОШ № 63» Тормозов Максим
Научный руководитель: учитель
истории, руководитель музея МОУ
«СОШ № 63» Латыпова Е.Р.

Магнитогорск

Содержание:

1. Содержание	1
2. Вступление	2
3. Блокада в исторических источниках	2-5
4. Блокада в воспоминаниях	5-11
5. Дорога жизни. Эвакуация. 1942-1943 гг.	11-12
6. Эвакуация в рассказах очевидцев	12-16
7. 1944 г. Снятие блокады	16-17
8. Жизнь после войны	17-18

Есть времена, которые испытывают людские души.

Т.Пейн

8 сентября 1989 года первый житель нашего города Магнитогорска Каукина Галина Ивановна получила нагрудный знак «Житель блокадного Ленинграда». Об этом событии она рассказала в короткой заметке в газете «Магнитогорский рабочий», дала свой номер телефона. Отклики пошли сразу, долгую бюрократическую процедуру по получению знака прошли и другие жители города. Скоро образовалось общество «Блокадник Ленинграда», которое существует до сих пор, которое собирает 27 января каждого года защитников города-героя и тех, кто перенес все ужасы блокады. Неумолимо время, уходят из жизни живые свидетели тех героических и страшных дней. Из ста человек, входивших в общество «Блокадник Ленинграда», на сегодняшний день в живых осталось пятьдесят. Они мудры, красивы, величественны, хотя зачастую и не могут скрывать слезы воспоминаний.

Им глубокое почтение и уважение. И память.

В беседах с людьми, пережившими блокаду, бросались в глаза некоторые вещи: они хотели, чтобы их слышали молодые, поэтому от встреч никогда не отказывались; несмотря на исключительные трудности, доставшиеся на их долю в детстве, она были радушны, гостеприимны, человечны.

Блокада в исторических источниках

К началу блокады в городе находилось 2 миллиона 544 тысячи человек, в том числе около 400 тысяч детей. Когда пути из Ленинграда были отрезаны, горожане стали готовиться к осаде: за несколько часов был выбран весь денежный запас по городу, у всех магазинов выстроились огромные очереди. Но не это главное. Город готовился защищаться. На строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом с июля по декабрь 1941г работали свыше 475 тысячи человек. Было вырыто 626 км противотанковых рвов, 306 км лесных завалов, 635 км проволочных заграждений, сооружено 15 тысячи дотов и дзотов. В самом Ленинграде в 110 узлах

обороны было построено 25 км баррикад, 570 артиллерийских дотов, 12 тысяч стрелковых ячеек и большое количество других сооружений. За 3 месяца с начала войны Ленинград дал фронту 431 тысячи человек. В городе и области были сформированы к 1 сентября 10 дивизий народного ополчения, 16 отдельных артиллерийско-пулеметных батальонов, несколько десятков рабочих батальонов, множество противоздушных, противопожарных, санитарных отрядов и групп.

«Призыв добровольцев начался 30 июня, в этот день записалось 10 890 человек. А к 6 июля было уже более 100 тысяч записавшихся, к 7 июля их общее число достигло 160 тысяч, включая 32 тысячи женщин, 20 тысяч коммунистов и 18 тысяч комсомольцев», - пишет Солсбери. Среди добровольцев оказался композитор Дмитрий Шостакович. В своем заявлении он писал: «До сих пор я знал только мирную работу, теперь готов взять в руки оружие. Только в борьбе можно спасти человечество от уничтожения». Выдающаяся 7-ая симфония Шостаковича была еще впереди. Добровольцем записался поэт В.Рождественский, драматург и сказочник Евгений Шварц. Павел Арманд, режиссер "Человека с ружьем»; был назначен командиром подразделения пулеметчиков. И когда добровольцы тысячами гибли в хаосе и огне, аккуратные немцы уже подготовили план ленинградского парада победы. Генерал СС Кнут по этому плану становился комендантом Ленинграда. Победоносные нацисты должны были пройти по Дворцовой площади, мимо здания Генерального штаба и Зимнего дворца. Был даже создан путеводитель по Ленинграду, который раздали солдатам и офицерам, были отпечатаны приглашения на торжественный большой банкет в гостинице «Астория». Дата на приглашения стояла определенная - 21 июня. Враг готовился побеждать.

Вечером 8 сентября, в 18: часов 55 минут на Ленинград обрушился невиданный ранее по ударной мощи налет вражеской авиации. Только за один заход бомбардировщиков на город было сброшено 6 327 зажигательных бомб, загорелись Бадаевские склады.

Все опрошенные наши жители блокадного Ленинграда напоминали об этом событии, ведь черный дым над складами означал начало голода. Вот что пишет по этому поводу Солсбери: «Утром, после кошмара на Бадаевских складах никто в

Ленинграде больше не сомневался, что город стоит перед страшнейшим за всю свою историю испытанием. Воздух наполнился запахом горячего мяса, острым смрадом обуглившегося сахара, сильным запахом горящего масла и муки. Все знали, что Бадаевские склады самые большие в городе, что там городские запасы зерна, мяса, масла, сала, и теперь это все потеряно». «Бадаевские сгорели, - говорили старушки, - теперь конец - голод!»

С первых дней сентября в Ленинграде были введены продовольственные карточки. Закрылись столовые и рестораны. Весь скот был забит, кормовое зерно перемололи, чтобы использовать в качестве добавки к ржаной муке.

- Сначала жители города получали такую же норму продуктов, как и в других крупных городах СССР (800 г - рабочим, 400г иждивенцам и детям).
- 15 сентября – произошло первое снижение норм продуктов по карточкам.
- В октябре стала ощущаться острая нехватка продуктов питания.
- 13 ноября 1941г установили следующие нормы:
 - × рабочие и инженерно технические работники - 300 г;
 - × остальные 150.

Состав хлеба:

Мука ржаная дефектная – 50 %
Соль – 10 %
Жмых – 10 %
Целлюлоза – 15 %
Соевая мука, мучная пыль, опилки – 5 %

- 20 ноября был введен самый низкий за всю историю блокады норматив по отпуску продуктов питания:
 - × рабочим — 250 граммов хлеба в сутки;
 - × служащим, иждивенцам и детям до 12 лет — по 125 граммов;
 - × личному составу военизированной охраны, пожарных команд, истребительных отрядов, ремесленных училищ и школ ФЗО, находившемуся на котловом довольствии — 300 граммов;
 - × войскам первой линии — 500 граммов.
- 25 декабря – первое повышение норм выдачи: рабочим на 100 граммов, остальным на 75 граммов.
- 24 января – новые нормы:
 - × рабочие – 400 грамм;
 - × служащие – 300 грамм;
 - × иждивенцы и дети – 250 грамм;
 - × войска – от 400 грамм в тыловых частях до 600 в войсках первой линии.

Есть еще один значительный по своему символическому смыслу факт: на черных рынках Ленинграда одно время продавали землю, пропитанную бадаевским сожженным сахаром. Ее можно было растворить в воде, дать осесть земле, а потом выпить сладковатую водичку.

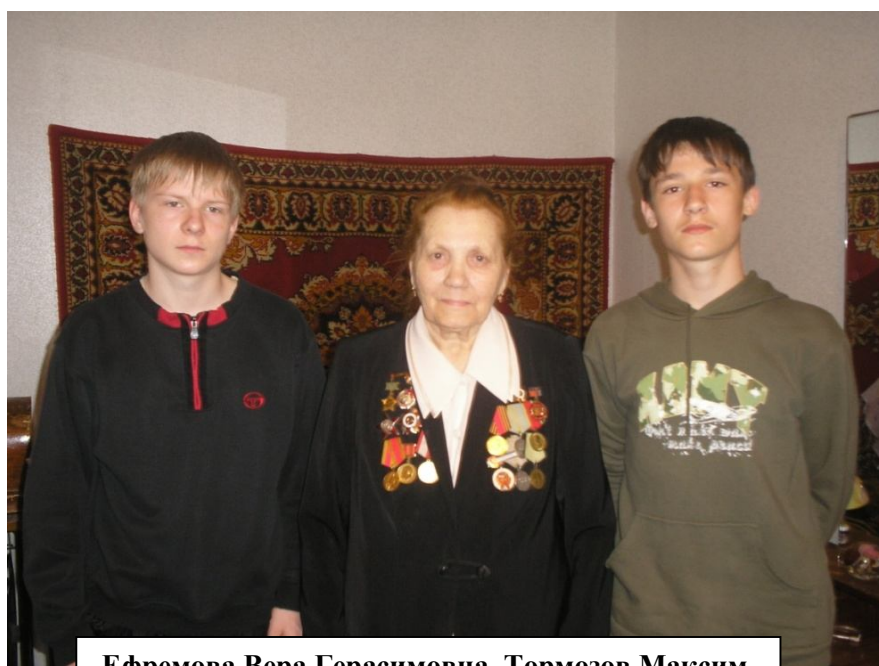
Блокада в воспоминаниях

Летом 1941 года Тоня (Антонина Ефимовна Романовская) подолгу заигрывалась на улице с другими детьми до позднего вечера, ведь каникулы, ведь белые ночи. Но сохранилось у нее ощущение приближающейся катастрофы, да и папа говорил: «Пахнет войной». Накануне войны случилось увидеть необычное зрелище: полетели вдруг дирижабли с Кронштадта. А в четыре часа следующего дня Молотов объявил о начале войны. Была в городе какая-то суматоха, люди бегали по магазинам, скупали все подряд. Брата и его жену отправили в Сестрорецк сжигать поля, выкапывать хлеб, картошку. Их маленькие дети (3,5 и 1,5 лет) остались с семьей Тони. Похожие воспоминания у Каукиной Галины Ивановны: «Подготовка к войне была, сильно ощущалась, даже дети были задействованы в этой подготовке. Мне было тогда 7 лет,

вместе с другими детьми мы бегали по этажам, брали у населения чулки, наполняли их во дворе песком, который был специально завезен, и относили это на чердак. Я жила в шестиэтажном доме, дома высокие, так что не так и легко было нам. Потом собирали бутылки, которые шли на изготовление «коктейля Молотова». С этими бутылками наши солдаты шли против танков. Взрослые тоже были при деле. Моя мама рыла окопы, старшая сестра проходила курсы ПВО, создавались санитарные дружины, обучали людей помогать другим. Все это продолжалось до 8 сентября».

Валентина Яковлевна жила в Ленинграде на Черной речке, сейчас это проспект Смирнова. Ее отец был агрономом и работал в теплицах. Там выращивали овощи, особенно запомнился лук. Этот лук доставлялся даже в Смольный. В теплицах выращивали маленькие проростки капусты, потом их высаживали вне теплиц. Валя там одно время работала и помнит, как дети кушали эти проростки в начале войны. «Блокада – это значит голод, - вспоминает Валентина Яковлевна, - нам давали по 125 граммов хлеба. Это такие маленькие кусочки с дурандой, и многое там еще добавляли. 125 граммов на полный день. Чтобы растянуть, мы делили кусочки на три раза. Газа и отопления не было, топили буржуйку. С ее помощью обогревались, сначала топили дровами, а потом рубили мебель и затапливали ею. Помню, раньше венские стулья были, мы их рубили и ими топили. Нарезали кусочки хлеба и прикладывали к стенкам буржуйки, разогревали еду, растягивали на три раза. Очень сильно хотелось есть».

Семья Вали жила в двухэтажном доме, и она ходила за хлебом для всего дома, для всех жителей одного дома. Носить приходилось мало, всего по 125 граммов на человека. Дома на самодельных весах отмеряли сколько положено. Люди по-разному боролись с чувством голода: один сразу

Ефремова Вера Герасимовна, Тормозов Максим,
Ларьков Евгений

съедал, а другой растягивал свой паек. Если хлеб разрезали и маленькая крошечка падала, то все бросались на пол и искали ее. Надо было в обязательном порядке найти эту крошечку хлеба, так дорожили им. Потом дом Вали разбомбили.

Беда не приходит одна. Отопления в самое голодное время тоже отсутствовало, холод стоял страшный, ко всему прочему – не было воды. Зимой люди снег набирали, и дома его оттаивали. Это была вода, ею и пользовались. Днем и ночью летали немцы бомбить город. Когда ночью бомбили, жители дома бежали в окопы (сами их копали, бомбоубежищ поблизости не было) и отлеживались там. Первое время было терпимо. Но зимой в морозы очень стало холодно, невозможно было там находиться, и люди оставались дома. Окна заклеивали полосками бумаги, ложились подальше от окон, потому что при бомбежках окна разбивались, осколки могли людей ранить. И так каждую ночь. Бомбежки помнит Валентина Яковлевна бесконечные. И днем, когда идешь в магазин, по радио часто передавали, что начался обстрел. Немцы косили всех, кто шел по улице. Кто успевал забежать в укрытие, тот оставался жив. Не успел забежать, то скосят наверняка. Когда были холода страшные, одевали на себя все, что находили из одежды. На улице было полно трупов. Если упадешь – все равно, что смерть! «Я один раз упала, хорошо, что сзади шли соседи, они меня подняли и принесли домой. Три дня лежала, потом отошла. А некоторых некому было домой забирать, и они падали, чтобы умереть. Падали и умирали. Кто ходил за хлебом, делали тропинки среди трупов. А по городу ездил грузовая машина и собирала умерших. Раньше в таких машинах возили туши мяса, обтянуты были они брезентом. И вот, идешь по улице, а в грузовик трупы складывают, под брезент складывают. Отвозили на Серафимовское кладбище, там в сарай, и взрывали динамитом или хоронили в общей яме. Хоронить самим не было сил, не было и речи, чтобы кого – то нанимали и хоронили. Бросали умерших, и все», - рассказывала Валентина Яковлевна.

Вскоре у Вали мама заболела водянкой и перестала есть. Попросила она суп (давно такого у блокадников не было). Дочь обменяла ее хлеб на несколько горсточек пшена, сварила их в воде, без ничего. Валина мама уже лежала, встать не могла, поставили ей суп на стул рядом и кормили. Когда Валя отвлеклась куда-то, ее мама неловко повернулась и уронила суп на пол. Крупиночки упали на пол, и прямо с пола

Антонина Ефимовна Романовская. Тормозов Максим,
Ларьков Евгений у нее в гостях

Валя и племянница стали их подбирать и в рот. Трудно поверить, но детей в этой семье еще спасло то, что у них дома была кожаная обувь. Нарезали кожу, варили ее и грызли эти полоски.

В городе была ужасная картина. Валентина Яковлевна помнит разрушенные дома,

некоторые из которых лишились половины: половина квартиры рухнула, половина осталась. Особенно вспоминается, как стоит маленький ребенок в кроватке на самом краю. Хочется думать, что кто-нибудь его спас. Дети блокадного Ленинграда совершали ежедневные подвиги, которые превращались в будничное занятие, как игры в мирное время. Валентина с другими детьми во время бомбежек забиралась на крыши и сбрасывала фугаски. Ее дом был рядом с аэродромом и стадионом. Дети бегали на этот стадион, специально зажигали на наем огни, чтобы немцы бомбили не аэродром, а стадион. Потом, после бомбежки, на стадионе находили много ям, значит, все-таки они бомбили пустой стадион, не зря зажигали там огни. Валентине Яковлевне в то время было 14 лет. Она точно не помнит свой год рождения, ведь все документы пропали, дом разбомбили, а родители умерли.

Антонина Ефимовна Романовская не может сдержать слез. Ей все вспоминается случай, когда в очереди за хлебом случилась тревога. К очереди бежал солдат, ему на глазах у всех оторвало снарядом голову, так он пробежал еще метров десять, прежде чем упал. Заметила она, что от голода у людей глаза становились стеклянные, по ее словам «острые». Ловишь такой взгляд и понимаешь, недолго осталось человеку жить.

Галина Ивановна Каукина запомнила блокаду очень ясно, и ее рассказ так же тяжел: «Бомбили страшно город 8 сентября, непрерывно объявляли воздушную тревогу. Дома рядом рушились, нужно было бежать в бомбоубежище. Мы жили в Центральном районе около Московского вокзала, где располагалось много

учреждений. Бомбы здесь падали особенно часто. Были разрушены жизненно-важные объекты: водонапорная башня, канализация, электростанции. Сожгли Бадаевские склады, горели они очень долго, копоть стояла над Ленинградом. Я это сама видела, собственными глазами, с чердака. Настолько мы, дети, не осознавали опасности. Моя сестра дежурила, и я с ней напросилась дежурить, мама не знала об этом. Тогда и видела с чердака черное небо, когда горели склады. А это продукты, запасы. После 8 сентября начался голод. Не стало воды, не работала канализация, не было света». Вспоминается необычайно суровая зима, как будто людей испытывали на прочность, сама природа испытывала. Мороз до 30 градусов, комната в 20 квадратных метров, четыре девочки в квартире, окна в которой взрывной волной были выбиты и забиты фанерой. Мама Галины где-то достала буржуйку, куда пошло все, что горит: книги, документы, мебель. Воду сначала носили с Невы (3 км), когда сил туда ходить не стало, брали воду с Фонтанки – это был главный ленинградский канал. Брали, несмотря на то, что воды в канале сточные, туда шли сбросы с канализации. Когда выпал снег, стали оттаивать снег, кипятить его по возможности. Январь, февраль, март 42-го считаются самыми смертными. Галина Ивановна считает, что по 2,5 тысячи человек умирало в день. Сначала хоронили на ближайших кладбищах, потом хоронить перестали, родных и близких заворачивали в простыню и выносили на улицу. Ездили машины, собирали трупы и увозили закапывать. Еще был задействован кирпичный завод на Московском проспекте (сейчас там мемориал в память о блокаде), где сжигали трупы.

«Мы выживали благодаря нашей маме. Она была очень выносливая, говорила, что если бы не мы, то легла бы и умерла. В блокадном Ленинграде было очень легко умереть, легче, чем поддерживать жизнь близких. Ели мы много, казалось бы, совсем несъедобного: дуранду (это жмых от горчицы), очень горькую дуранду, варили студень из столярного клея, тошнотворный запах которого запомнила на всю жизнь. Здоровье очень подорвали, младшая сестра умирала, ей было 2 года. До войны она уже ходила и разговаривала, но потом сильно заболела. Только после 5 лет стала ходить, настолько голод подействовал на нее. Она в 30 лет институт закончила с отличием. Я в год войны должна была пойти в 1-й класс. В школу записалась, а на следующий день

ее разбомбили. Все первоклассники не в состоянии были учиться. Таким образом, война отняла у меня два года учебы», - так звучит рассказ Галины Ивановны. Ее старшая сестра была задействована в дни блокады очень активно, в том числе в организации помощи умирающим – больных дистрофией отвозили в стационар. Жизни человеческие спасали молодые девушки и юноши. Однажды сестра Галины привела к ним домой парня погреться. Он сел у буржуйки, как-то странно себя вел, все водил руками. Мама объяснила Гале, что он ищет и съедает вшей. Это из-за голода люди становились безумными. Сосед, профессор, очень интеллигентный человек, во время блокады выхватил раз у Галины хлеб из рук. Вспоминаются нашей собеседнице соседи с маленьким ребенком. Как-то раз они стали жить в семье Галины, сказав, что ребенка эвакуировали, а сами из-за бессилия не могут подняться в свою квартиру. Но потом оказалось, что ребенок лежал в квартире без еды и умирал. Сосед Костя, парень из хорошей семьи, вроде даже дружил со старшей сестрой Гали, не захотел уезжать в эвакуацию и остался в Ленинграде. Он потерял свои карточки на хлеб, но скрыл от всех. Его сестра привела и сказала, что он умирает от голода. Спасти его уже не удалось. В семье Галины Ивановны только мама и сестра ходили, остальные лежали. Продали все, что можно было продать. Командированные в Ленинград меняли сахар или хлеб на что-нибудь ценное. Так пережили наиболее трудные блокадные месяцы.

Владлен Васильевич Синицкий, будущий полковник, не отличается в своих воспоминаниях от других: «Рабочие получали 250 грамм хлеба, служащие, дети и иждивенцы – 125 г. Хлеб состоял на 20-25% из пищевой целлюлозы и примесей: соевой, солодовой, овсяной муки, жмыха, отрубей. Чтобы выжить, люди ловили

Синицкий Владлен Васильевич

грачей, охотились за уцелевшими кошками и собаками. Из домашних аптечек брали в пищу касторку, вазелин, глицерин. Из столярного клея варили суп и студень. Ели желуди, листья комнатных растений, олифу, машинное масло, оладьи из горчичного порошка.... Но даже такую еду не каждый мог

себе позволить. Все это привело к голодному истощению ленинградцев и резкому увеличению смертности. Только за ноябрь 1941 года в городе умерли две тысячи человек». Валентина Мухина, жительница нашего города и голодала, и работала. В ее воспоминаниях те же тяготы: «Самым страшным испытанием был голод. Мы часами простаивали в очередях за своей пайкой хлеба. Эти 125 граммов клейкой массы, из которой текла жидкость, мы растягивали на целый день. Весь Ленинград был закопченный. В квартирах устанавливали «буржуйки», топили мебелью, книгами, а тепла от них никакого. Грязные, ободранные, завшивевшие люди сходились с ведрами к проруби за водой. Бывало, сидит человек на тротуаре, подойдешь, а он мертвый.

Но Ленинград продолжал жить и бороться. Войска Ленинградского фронта, моряки Балтийского флота и население города составляли единое целое. На предприятиях города ремонтировались танки, изготавливались пушки, автоматы, боеприпасы. Большинство ленинградцев, а *в их* числе и отец Валентины Яковлевны, практически жили на производстве. Сама Валя работала в госпитале медсестрой. Голоса израненных, грязных и голодных солдат: «сестричка, помоги» она до сих пор не может забыть. А чем могла им помочь 15-летняя хрупкая девочка? Кому водицы поднесет, кого добрым словом утешит, вот и вся медпомощь».

Дорога жизни. Эвакуация. 1942-1943 гг.

Для подвоза продовольствия и боеприпасов оставалась единственная коммуникация – по Ладожскому озеру. К началу войны озеро было мало освоено и практически не изучено. 30 августа 1941 года Государственный Комитет Обороны принял решение о доставке грузов в Ленинград через Ладожское озеро. На западном берегу озера началось сооружение порта в небольшой бухте Осиновец, в 55 км километрах от Ленинграда. 12 сентября 1941 года к причалам мыса Осиновец с восточного берега Ладожского озера пришли две баржи, доставив 625 тонн зерна и 116 тонн муки. Так начала действовать блокадная «артерия» Ленинграда, которую народ называл «дорога жизни».

Коммуникация приобрела стратегическое значение – по ней направлялись в город из глубины страны пополнение в войска, боеприпасы, топливо. Отсюда они

переправлялись на баржах и небольших судах на западный берег, а затем их доставляли в Ленинград по железной дороге. Пропускная способность этого пути была невелика. Сильные осенние штормы и непрерывные бомбардировки врага значительно замедляли темп перевозок.

С 21 сентября по 15 ноября, когда навигация официально закончилась, по Ладоге удалось доставить 24097 тонн зерна, муки и крупы, более 1130 тонн мяса и молочных продуктов и других грузов. Это везли туда. В обратную сторону эвакуировали людей. Каждый рейс по озеру был подвигом. Всего в первую блокадную зиму ледовая дорога работала 152 дня.

Перерезать Дорогу жизни немцы стремились постоянно. В первые недели работы трассы немецкие летчики безнаказанно расстреливали с бреющего полета автомашины и бомбами разбивали лед на трассе. Для прикрытия Дороги жизни командование Ленинградского фронта установило прямо на льду Ладоги зенитные орудия и пулеметы, а также привлекло истребительную авиацию. С моря Ленинград прикрывал Краснознаменный Балтийский флот. Он активно участвовал в оборонительных и наступательных операциях войск Ленинградского фронта силами своей авиации, корабельной и береговой артиллерии, морской пехоты, а также обеспечивал войсковые перевозки в Финском заливе и Ладожском озере.

Ленинград подготовился и к возможному прорыву немцев (и не зря – в течение января было предпринято пять попыток прорыва блокады). На этот случай был разработан план уничтожения войск противника. На улицах и перекрестках были возведены баррикады и противотанковые препятствия, построено 4100 дотов и дзотов, в зданиях оборудовано более 20 тысяч огневых точек.

Эвакуация в рассказах очевидцев

Валентина Яковлевна помнит, что ближе к осени 1942 года всех детей и стариков эвакуировали. Зимой тоже была эвакуация по Ладожскому озеру, по «дороге жизни» везли на автобусах и машинах. Немцы бомбили людей, и многие машины уходили под лед. Сама Валентина попала в эвакуацию в сентябре, когда Ладожское озеро проходили на катерах. Везли людей на трех катерах. Валя находилась на втором катере, а первый и третий затонули. Помнит Валентина Яковлевна, что в каждом

городе очень хорошо встречали эвакуированных, с музыкой, оркестром, давали горячие обеды. Медсестры ходили по вагонам, уговаривали много не есть. «Я с детства очень дисциплинированный человек, поэтому ела по капельке. Были люди, которые переждали, их вывозили на носилках. От пережидания тоже умирают. Вывезли меня в Самарканд. Он был заполнен беженцами. Нам там не нашлось жилья, поэтому отправили в кишлак. У них были виноградные плантации, и нам разрешали туда ходить. Были мы опухшие, больные. Только благодаря винограду поправились и стали нормально выглядеть», - утверждает наша собеседница. Ближе к зиме ленинградцев снова отправили в Самарканд. Поселили в квартиру, Валентина пошла учиться в сельскохозяйственный техникум. Когда закончила, дали молодой девушке четыре колхоза. Колхозы были крупные, потом их директоров посадили.

Антонина Ефимовна особенно тяжело пережила эвакуацию. В блокаду умер полуторагодовалый сынишка брата, его же старшего сына отдали в детдом: в голодном Ленинграде это был выход из положения, спасли его этим от голодной смерти. Мама Тони обратилась в эвакуопункт, чтобы встать в очередь на эвакуацию, пришло предписание на февраль 42 года. А до тех пор, пока были силы, Тоня собирала с сестрой зажигалки по крышам домов, тогда же отморозила себе нос. Матери Антонины было 56 лет, отцу-инвалиду 54 года. В день эвакуации нашли мамино брата, крайне истощенного. Отправились вместе с ним к месту эвакуации, которое находилось на берегу Ладожского озера – станция Ваганово. На открытом грузовике мама Тони ехать отказалась – и она, и отец были очень больны. Поэтому ехали в пазике. Грузовик тот ушел под лед, в темноте водитель не заметил пробоину. Добрались до Тихвина, который находился в 70 километрах от Ваганово. В Тихвине людей кормили, выдавали по 800 граммов хлеба, потом посадили в товарные вагоны. Помнит Антонина Ефимовна, что с ними в вагонах ехало много ремесленников – учащихся ремесленных училищ. Их больше всего выносили санитары в специальный вагон. В Череповце умер папа. Когда его отнесли в тот вагон, видела Антонина штабеля умерших, наложенных друг на друга, много среди них было мальчишек еще. А ведь люди умирали зачастую от пережидания, от съеденного открывалась дизентерия и все. В Вологде умер дядя – лицо закрыли тряпочкой, санитары вынесли. На каждой

станции состав стоял сутками, блокадники выстраивались в длиннющие очереди за едой. В Ярославской области в городе Данилов состав расформировали, все доехавшие прошли санпропускник. Тогда впервые за много недель Антонина сняла валенки, а на ногах язвы. Это была цинга, следы от которой остались на всю жизнь. В Данилове Тоня и ее сестра Надя потеряли мать – инфаркт.

Эвакуация, по словам Галины Ивановны, проходила ужасно. В сентябре 1942 года мама Галины получила повестку, где требовалось собраться в 24 часа и явиться с вещами на вокзал. Гале было восемь лет, младшей сестре три года, старшей скоро должно было исполниться шестнадцать. Была и четвертая сестра. Все девочки болели дистрофией от постоянного недоедания, поэтому их везли на вокзал в тележке дворника. На Финляндский вокзал везли людей ночью в вагонах дачного назначения. В вагонах было темно и тихо, за окнами мелькали деревья, было прохладно, и девочки прижались друг к другу. Утром прибывших погрузили на баржу, многих детей поместили на парходик, сопровождал эвакуируемых сторожевой крейсер. Отправились на Большую землю 10 или 11 сентября. Точнее Галина Ивановна не помнит. Но помнит прекрасный солнечный осенний день, гладь красивейшего Северного озера. Показалось даже, что война закончилась. Но появились самолеты со свастикой, пролетели на бреющем полете над испуганными людьми, начали бомбить. Столбы воды залили людей, но на барже не было ни криков ужаса, ни паники; голодные люди, считает Галина Ивановна, уже были безразличны к смерти, в блокадном аду они ждали ее как избавление от муки. Душераздирающие крики женщин разнеслись тогда, когда люди после налета увидели, что стремительно тонет парходик с детьми, что над ним стоит черный столб дыма. На Большой земле каждому прибывшему выдали большую буханку хлеба и сгущенку. По радио несколько раз предупреждали, чтобы люди не ели много, что после страшного голода это смертельно. Предупреждения не помогали, людям трудно было удержаться. Галина Ивановна пережила последнюю бомбежку в своей жизни именно здесь, на станции Борисово Грива. Фашисты бомбили мирное население, люди разбегались в разные стороны, теряли пожитки, теряли свой паек. А после этого потрясения их ждала мучительная дорога в Сибирь в товарных вагонах, предназначенных для скота.

Люди умирали и от истощения, и от кровавого поноса. Галина Ивановна вспоминает старика, который умер в их вагоне. Поезд долго шел без остановок, было довольно тепло, и тело умершего, подтащив к дверному проему, выбросили из вагона прямо на ходу. Следом выбросили вещи старика. Кто он был? Где его ждали? Кому он был дорог? Еще одна безымянная жертва войны. Сколько их было? «Мертвяки есть?» - на остановках этот вопрос задавали какие-то люди, выносили трупы, хоронили наспех. Так и пропадали люди без вести. «Голодный человек безумен и совершает поступки, не подвластные человеческому разуму», - говорит Галина Ивановна. О трудном пути из Ленинграда вспоминают и другие эвакуированные из блокадного города. И.П.Степанов вспоминал: «Нас везли в Челябинск, дорога была трудная, в товарных вагонах умирали люди, на остановках их выносили из вагонов. Так же сняли и наших бабушку и дедушку, где они похоронены, мы так и не знаем. Я сначала попал в Курганскую область, а потом в Магнитогорск».

Антонина Ефимовна Романовская потеряла в дороге к месту назначения отца, дядю, мать. Там, где на местах были люди понимающие и добросовестные, кто догадывался о невероятных трудностях эвакуированных, прибывшим организовывали баню. Галина Ивановна рассказывала об этом авторам работы по блокадному Ленинграду: «Первый раз отдохнули в Челябинске. Всех: женщин, мужчин, детей - отправили в баню. Все мы были страшно грязные, худые настолько, что казались однополыми. Мылись все вместе каким-то черным жидким мылом. Но как были этому рады». После Челябинска людей разделили, Галина со своими родными попала в глухую деревню Ильинку, где-то в Сибири. Там не было ни работы, ни школы, поселили в дом, где у хозяйки было полно своих детей. Зимой уже повезли дальше, за Прокопьевск, на станцию Мандебаш в шахтерский поселок Андробаш. Встретили хорошо, выдали овчинные шубы, обогрели в бане, дали жилье – комнату на первом этаже. В погребе мама завела кроликов. Но работы в поселке не было, шахта давно обвалилась, жили в основном спецпереселенцы. Галина Ивановна до сих пор не видит никакого смысла в этих перемещениях. Старшую сестру ее забрали работать на шахту в Прокопьевск, как только той исполнилось 16 лет. Валентина Яковлевна поступила в железнодорожный институт в Москве, училась на инженера ж/д транспорта. Попала

в Магнитогорск по распределению, где работала 25 лет в нашем депо. Водила несколько видов тяга: вначале тепловозы, потом электровозы, электросекции.

Эльмарк Моисеевич Сикорский, доцент кафедры иностранных языков МГТУ, попал в эвакуацию с детским домом. Ему было 12 лет, когда началась война. По его воспоминаниям, немцы наступали так стремительно, что многие даже не успели подумать об эвакуации, как началась блокада. «В первые же дни ее были разрушены Бадаевские склады, где хранилось продовольствие на 10 лет вперед. Помню, как мы ходили собирать жженый сахар. Так Ленинград в самом начале блокады остался без продуктов. В декабре 1941 года от дистрофии умер мой отец. Обернув простыней, его выбросили через окно: так поступали со многими умершими – не было сил спуститься с ношей вниз. А меня, взяв за руку, отвели в детский дом, благодаря чему я и выжил. Вместе со своими товарищами я дежурил на крышах, в бомбоубежищах – мы, как могли, помогали взрослым. Страшное это было время. Люди вымирали целыми семьями. Дети работали наравне со всеми.

Когда весной 43-го наладилась дорога через Ладожское озеро, наш детский дом вывезли из Ленинграда, но уже через несколько месяцев всех, кому исполнилось четырнадцать лет, вернули назад – работать было некому. Меня призвали на учебу в систему трудовых резервов – по-нашему это школа ФЗО – на фарфоровый завод им. Ломоносова, а потом я поступил в ремесленное училище на токаря. И сразу, как только мы научились выполнять простейшие операции, нам поручили изготавливать простейшие детали, например, доньшки для снарядов. И все это время мы вместе со взрослыми ходили на оборонные работы», - просто и обыденно говорит о страшных вещах Эльмарк Моисеевич.

1944 г. Снятие блокады

14 января 1944 года в 9 часов 35 минут по противнику открыли огонь тяжелые морские орудия из Кронштадта, с фортов и кораблей, а также многочисленная полевая артиллерия. Атака стрелковых частей 2-й армии началась в 10 часов 40 минут. К 27 января 1944 года войска Ленинградского и Волховского фронтов взломали оборону 18 немецкой армии, разгромили её основные силы и продвинулись на 60 километров в

глубину. Видя реальную угрозу окружения, немцы отступили. С освобождением Пушкина, Гатчины и Чудово блокада Ленинграда была полностью снята.

После снятия блокады Ленинград долго восстанавливался. Город был разрушен, запасов не было, все пришлось начинать заново. Умерло и погибло очень много людей. Точной цифры погибших нет, и, вероятно, уже не будет. В документах советской стороны в Нюрнбергском процессе фигурировала цифра в 650 тысяч умерших. Эти данные основаны на примерном количестве захороненных на двух самых больших мемориальных кладбищах – Пискаревском и Серафимовском. Однако с первых же дней войны в Ленинград хлынул поток беженцев из западных районов страны. Сколько было беженцев и все ли они получили продуктовые карточки – не указывает ни одна сводка. Известно другое – во время эвакуации из блокадного Ленинграда по дороге в тыл от истощения и болезней умирал каждый четвертый. Разные исследования последних лет позволили назвать цифру в 1 миллион 200 тысяч погибших в блокадном Ленинграде. Когда полностью была снята блокада, в Ленинграде осталось лишь 560 тысяч жителей. Подсчитано, что 97% от числа погибших умерли от голода, 3% - от бомбежек.

Жизнь после войны.

83 года исполняется в этом году Антонине Ефимовне Романовской. У нее большая семья: два сына, четыре внука, девять правнуков. Муж, с которым прожила 64 года, умер в прошлом году. Много с ним ездила по стране, он преподавал в военноморском училище, в Магнитогорске стал работать в горкоме, потом стал начальником финансового отдела на ММК.

Когда закончилась война, мама Галины Ивановны отправилась к управляющему просить, чтобы ее с дочерью перевели в Ленинград. Но тот ответил, что родина везде одинакова. Мать Галины добилась только разрешения вернуться в Павловск (город недалеко от Ленинграда). В сам Ленинград попали позже, от квартиры почти ничего не осталось: окна были выбиты, потолок и стены все черные от копоти. Первую одежду, как вспоминает Галина Ивановна, получили американскую. Самой Галине досталось красивое бежевое пальто, и она до сих пор помнит особое чувство

благодарности к неизвестным ей американцам, которые в подклад пальто зашили ленты для волос. Старшую сестру Зою не прописывали в Ленинграде, она работала в Прокопьевске, не имела паспорта. В самые жуткие блокадные дни Зоя дежурила на крышах, сбрасывала фугаски, помогала людям, числилась в сандружине и ПВО, в голодные времена ездила с мамой на поля и собирала капусту-хряпу, чтобы спасти родных, а теперь не могла попасть в родной город. Зоя все-таки уехала, без документов, беременная, но вынуждена была жить в деревне у тети. В деревне работала зоотехником, родила там дочку. Только когда в деревне стали выдавать паспорта, она смогла переехать в Пушкин, потом в Ленинград. В Ленинграде работала дворником, только под конец жизни получила квартиру. Получается, что так отблагодарила власть свою героиню. Сама Галина Ивановна окончила ленинградский техникум промышленного транспорта, по направлению уехала в Магнитогорск. Не могла не поехать, в направлении шла речь об уголовной ответственности.

Не все было гладко в жизни наших собеседников к началу войны, да и потом не раз сталкивались они с несправедливостью. Но в страшные годы войны каждый из них внес свою лепту в дело победы, никто из них не сомневался в своем праве помогать родине в священной борьбе за независимость.

Война никого не оставляет в стороне, она затрагивает всех и каждого. Но самое страшное то, что война затрагивает самых уязвимых и беспомощных - детей. Дети блокадного Ленинграда не стали исключением, они голодали, они страдали от холода и болезней, они умирали вместе со взрослыми, как взрослые. Государство же в свою очередь заботилось о детях и эвакуировало их в первую очередь. Для того чтобы выжить, детям военного времени нужно было быть сильными. Они выжили благодаря силе и заботе со стороны родителей, государства и просто людей, которые были рядом с ними, ведь война никого не оставляет в стороне. И теперь из их уст мы можем узнать, как жили люди в войну, как они боролись и как побеждали. Дети блокадного Ленинграда сейчас уже пожилые люди, но когда видишь их, ощущаешь внутреннюю красоту и желание жить, несмотря ни на что.

Используемая литература:

1. Н.Г.Кислицын. Ленинград не сдаётся. М: Прогресс, 1991
2. Словарь-справочник. Великая Отечественная война 1941-1945. М: Издательство политической литературы, 1988
3. Ю.В.Емельянов. Сталин на вершине власти. М: ВЕЧЕ, 2002
4. Великая Отечественная война 1941-1945. П.Н.Бобылев, С.В.Липицкий, М.Е.Монин, Н.Р.Панкратов. Политиздат, 1984
5. Vip.lenta.ru: Досье: Блокада Ленинграда. С.Караваев
6. Газета «С.-Петербургские ведомости» от 27 января 1994 года
7. Итоги второй мировой войны. Сборник статей немецких авторов. М: Иностранная литература, 1957
8. Личные беседы с людьми, пережившими блокаду
9. Материалы магнитогорских газет разных лет